

Надо отметить, что изведение вещи к бытию является ее началом, или утром. Посему только после сотворения вещей последовал вечер. И вот к наступлению следующего утра проходит один естественный день. И потому говорится: «По прошествии же шаббата», то есть субботы, «на рассвете» или заре «первого дня недели»²⁵⁰, то есть в воскресенье, или день Господень.

Вечер и утро, день один. По этому поводу здесь нужно отметить две вещи. Во-первых, под сотворенным в первый день светом следует разуметь, согласно Августину, образование или создание духовной ангельской природы, наиболее близкой к

Богу. Говоря, что сей день имел *вечер и утро*, восхождение и закат, Августин научает нас, что в каждом творении, пусть даже высшем и наиболее совершенном, всегда присутствует изменчивость, несовершенство и позорное пятно нечистоты²⁵¹; Иов.4: «В ангелах Своих Он усматривает недостатки»²⁵², и Иов. 15: «святым Своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его»²⁵³. Сему не противоречит сказанное: «отделил свет от тьмы». Ибо если сложить субстанцию и ее акциденции, качество, количество и подобное этому, то они в цифровом исчислении дали бы единицу и имели бы единое бытие. Между тем по природе, а также в соответствии с категориальным порядком, они друг от друга отличны. Ведь категории полностью взаимно исключают друг друга.

Но почему же Моисей, говоря выше о сотворении неба и земли, умалчивает о времени, то есть о днях, а теперь говорит: *был вечер, и было утро, день один!* На это скажи, что сотворение происходит до, сверх и вне времени. Августин в кн. XII «Исповеди» отвечает: «Небо, которое Бог создал в начале, есть духовное создание;... оно находится выше скользящей смены времен. И бесформенность незримой земли не принадлежит череде дней. Ведь где нет никакого облика, там нет и никакого порядка, там ничто не приходит и не уходит; и где ничего не случается, там нет ни дней, ни смены времен»²⁵⁴.

Во-вторых, надо заметить в нравственном смысле: не бывает ни единого дня, — который в этом мире мог бы прожить человек, как бы он ни был могуществен и богат, - в утехах и наслаждении, без телесных и душевных забот. Ибо человек не имеет всего, чего хочет, и не лишен всего, чего он не хочет. Блага, которых у него нет, несравнимо многочисленней тех, что у него есть. И он скорее скорбен, чем счастлив. Посему Боэций в кн. II «Утешения», прозе 3 говорит: «Возможно, ты полагаешь, что человеческим делам свойственно постоянство?»²⁵⁵. И потом в прозе 4: «Кто владеет счастьем столь полным, чтобы не выражать недовольства своим положением? Источником мук является непостоянство мирских благ»²⁵⁶; и ниже «Сколь великой горечью окроплена сладость людского счастья!»²⁵⁷ Иов: «Как цветок, он выходит и опадает и не останавливается»²⁵⁸; Прит. 14: «Смех смешан со скорбью, и концом радости бывает печаль»²⁵⁹. Вот это-то и означает сказанное: *был вечер, и было утро, день один.*

Далее по этому поводу надо отметить, что огорчений бывает во всякий день куда больше, чем радости. Причина ясна. Благ, коих человек не имеет, больше, нежели тех, каковые у него есть. Благо радует, когда оно есть, и огорчает, когда его нет. Ведь даже «надежда» на благо, «если она не сбывается, томит душу», Прит. 13²⁶⁰. Кроме того, «надежда - это название для неизвестного блага», как говорит Сенека в письме 10²⁶¹. Поэтому речь идет сначала о вечере, и только потом об утре: *был вечер*, говорит он, *и было утро, день один.*

К тому же *vespere* можно использовать как в единственном числе, так и во множественном; но